

поймем многого въ дѣятельности Ивана Грознаго, если будемъ представлять его себѣ тираномъ съ могучей, несокрушимой волей, спокойно увѣреннымъ въ свои силы въ вкусъ его дѣда Ивана III, тоже прозваннаго въ свое время Грознымъ; но все тановится понятнымъ, если посмотрѣть на Ивана IV, какъ на тирана-упадочника, истерика, подчинявшаго свой несомнѣнный умъ порывамъ воспаленнаго чувства, губившаго этимъ собственныя государственныя начинанія и приведшаго своимъ неистовымъ «людодерствомъ» Московскую Русь къ самому краю той бездны, которая развернулась передъ ней въ Смутное время. Это — единственно возможное объясненіе характера Ивана Грознаго при свѣтѣ тѣхъ фактовъ, которые собраны, провѣрены и очень литературно изложены въ очеркѣ проф. Платонова.

А. Кизеветтеръ.

С. И. Гессенъ. *Основы педагогики. Введение в прикладную философию.* Берлинъ. 1923. Стр. 420.

Книга С. И. Гессена написана въ стилѣ исключительно рѣдкомъ въ европейской философской литературѣ нашихъ дней — въ стилѣ «прикладной» философіи. Можно, пожалуй, даже сказать, что она является первою книгою въ этомъ родѣ со времени появленія «Соціальной педагогики» *Наторпа* (книга *Кона о духѣ воспитанія*) все-же слишкомъ узко-педагогическая по замыслу, появившаяся — частью позже книги С. И. Гессена — работы Spranger'a, Krieger'a не имѣютъ цѣлостно-систематическаго характера).

Для С. И. Гессена педагогика является «прикладною философіей» точно такъ же, какъ техника — прикладнымъ естествознаніемъ, а политика — прикладною исторіей. Педагогика — теорія образованія. Цѣль образованія — приобщеніе къ культурнымъ цѣностямъ. Соответственно сферамъ культурныхъ цѣнностей, педагогика распадается на отдѣлы, представляющіе собою приложенія изучающихъ отдѣльныя сферы цѣнностей отраслей философіи. Эти отрасли философіи: этика и философія права, логика, эстетика, философія религіи и философія хозяйства, — соответствующіе имъ отдѣлы педагогической науки: теорія нравственнаго и правового образованія, теорія научнаго, художественнаго, религіознаго и хозяйственнаго образованія. — Важно отмѣтить, что задачей образованія является для С. И. Гессена непосредственное приобщеніе воспитываемыхъ къ сферамъ культурныхъ цѣнностей, а не «ознакомленіе» ихъ съ соответствующимъ этимъ сферамъ эмпирическимъ матеріаломъ (права, науки) или сообщеніе имъ соответствующаго «умѣнія» (искусства, хозяйство). — Эта исходная позиція автора объясняетъ какъ архитектонику книги, такъ и ея содержаніе.

А съ этой позиціи совершенно естественнымъ представляется, что предисловіею педагогическаго изслѣдованія и педагогиче-

своей дѣятельности является углубленное пониманіе культурныхъ цѣнностей, философскимъ свѣтомъ котораго должны быть освѣщены всѣ частныя проблемы, педагогическія и конкретныя ея задачи. Всѣ проблемы, задачи, процессы и формы педагогической дѣятельности получаютъ смыслъ лишь въ контекстѣ философской системы. — Въ книгѣ С. І. Гессена философія не является «введеніемъ» въ педагогику или «вспомогательной» ея наукой, но — пронизываетъ, органически пронизываетъ или, говоря словами автора, «просвѣчиваетъ» во всѣхъ элементахъ педагогической науки, хотя бы самыхъ частныхъ и детальныхъ. Благодаря этому педагогика получаетъ право быть — а не только въ традиціи считается — философскою наукой.

Въ «основахъ педагогики» мы имѣемъ дѣло — одновременно — и съ «введеніемъ въ философію» (введеніемъ въ смыслъ обсужденія основныхъ проблемъ, а не въ смыслъ популяризаціи). И основнымъ достоинствомъ книги является искусство съ которымъ авторъ повсюду ведетъ свой анализъ именно въ руслѣ этого явного соприкосновенія педагогическихъ и философскихъ проблемъ, постоянно удерживая въ сферѣ вниманія именно неразрывную ихъ связь. — И это относится не только къ общимъ и принципиальнымъ вопросамъ, — но и въ каждой мелкой и частной проблемѣ вскрывается ея философская подпочва. Къ лучшимъ образцамъ этого искусства автора принадлежатъ такіа главы, какъ, напримѣръ, анализъ педагогическихъ воззрѣній Руссо (39-59), анализъ метода Монтессори (94-108), обсужденіе проблемы школьнаго наказанія (140-9), критика экспериментальной педагогики (353-361) и многія другія страницы и даже отдѣльныя замѣчанія.

Благодаря своему философскому характеру, книга представляется крупнымъ явленіемъ не только въ педагогической, но и въ философской литературѣ. Достаточно отмѣтить только рядъ цѣнныхъ замѣчаній: о Платонѣ (стр. 184 и далѣе), о проблемѣ классификаціи наукъ (гл. IX), анализъ идеи націи (319-26), набросанную авторомъ теорію діалектики (стр. 387, 394 и др.). Многое (какъ напр., вышукное изложеніе проблемы исторической науки) представляетъ спеціальныи интересъ, главнымъ образомъ, для русской философской литературы. — Но философское значеніе книги больше и лежитъ оно въ другомъ: для философа цѣнно это тонкое и тщательное обнаруживаніе философскаго содержанія въ самыхъ «обыденныхъ» и «бытовыхъ» проблемахъ и контроверзахъ (ср. наприм. 218 и слѣд.). Философское зерно книги С. І. Гессена — въ проникающемъ ее пафосѣ завоеванія философской жизни или, вѣрнѣе, — въ пафосѣ раскрытія философскихъ элементовъ *во жизни*. Философія снова должна обрѣсти свое мѣсто *не вне жизни, а внутри ея* — эта идея всѣхъ «классическихъ періодовъ» философіи воскресаетъ въ книгѣ Гессена. *Въ этомъ смыслѣ* книга глубоко современна и соприкасается съ рядомъ крупныхъ и яркихъ явленій совре-

менной мысли. И как всякая «глубоко современная» книга в философии, «Основы Педагогики» возвращаются к традициям классических периодов развития философской мысли. Педагогика ставится под знамя Платона и Шеллинга. Философия — не всё всего «служанка» жизни, точной науки, богословия — кого бы то ни было. Философия — это та тайная сила, которая живит всю культуру и сообщает ей ее смысл и значимость. Понятно, что, стоя на этой позиции, С. I. Гессен не нуждается в том, чтобы выискивать «философские» истины педагогических проблем, — философия является для него непосредственно ему данным и все живящим лейт-мотивом всех культурных мелодий. — Нужно, конечно, чтение самой книги, чтобы видеть насколько далеко этот свежий и бодрящий философский пафос от всякого лжеумудрствования, от всякой надуманности, от всякого искусственного конструктивизма.

Понимая и строя педагогику, как философскую науку, С. I. Гессен пользуется, разумеется и философским методом. Этот метод наиболее близок к Риккертской «Гетерологии» и Платоновской «Диалектике» и, находясь в некотором расхождении с «Диалектикой», Гессен, все же, близок и родственен ей. Общую основу диалектики, как метода, можно свести к двум положениям: 1) всякое частное понятие имеет свой смысл и значение лишь как элемент более общего и — в конечной перспективе — иного «высшего» всеобъемлющего «понятия» (или «идеи»). Отрываясь от этого высшего понятия, частное понятие обречено на омертвление и вырождение; 2) анализ всякого частного понятия с неизбежностью приводит нас к ряду высших понятий. По этому пути направляется философский метод С. I. Гессена и в этом аспекте строится архитектоника его книги. Три ступени, через которые должен пройти воспитываемый на пути нравственно-правовом: аномия (отсутствие сознания закона), гетерономия (подчинение данному закону) и автономия. Этим ступеням соответствуют формы воспитания: игра (при отрыве от высших форм духа вырождающаяся в забаву), урок (вырождающийся в механическое занятие) и творчество. В теоретическом образовании соответствующая ступени суть: эпизод, система, наука; в непосредственной ориентации на эти ступени строятся, как учебный курс, так и система учебных учреждений (от народной школы до Университета). Соответственный анализ религиозного, художественного и хозяйственного образования отложен автором до предполагаемого второго тома. — Из этой системы мыслей вытекает прочное обособление идея *трудо-вой* и *свободной* школы. Ибо и труд и свобода являются неизбежными формами педагогической деятельности на путях к высшим культурным ценностям. — При этом было бы несправедливо утверждение, что С. I. Гессен выступает в этой своей книге, как «ужий» представитель определенной фило-

софской школы. Отнюдь нѣтъ! Философская почва книги и ее методъ — *широко понимаемый критицизмъ* (ср. стр. 218 и слѣд.).

Къ сожалѣнію за счетъ философскаго метода книги приходится отнестись *отчасти* и тотъ ея недостатокъ, на которомъ мы должны вращаѣ остановиться. Это — нѣкоторая излишняя *схематичность* конструкции книги. По нашему убѣжденію диалектика въ томъ видѣ, въ какомъ ее прихъняетъ С. I. Гессенъ, — неизбежно къ этому схематизму приводить. — Если диалектика изъ метода изученія «смысловыхъ», «идеальныхъ» отношеній превращается и въ методъ изслѣдованія эмпирической реальности, она неизбежно приходитъ съ послѣднею въ конфликтъ. Диалектикѣ, ограничившей свою задачу (по нашему мнѣнію это дѣлать, напр., молодой Гегель) сферою идеальнаго, не страшны противорѣчія съ «фактами», т. к. она и не претендуетъ овладѣть ими. Для диалектики же, расширяющейся и въ сферу эмпирии и конкретности, — каждый противорѣчающій ей фактъ — уже угроза ей. — Къ сожалѣнію у С. I. Гессена диалектика *слишкомъ* приближена къ жизни и слишкомъ часто переходитъ отъ смыслового анализа къ реальному. Въ результатѣ — *иногда* (живое чувство дѣйствительности и тонкій анализъ автора часто съ честью выходятъ изъ подобныхъ затрудненій) — *острыи конфликты* *схемы съ фактами*, ибо диалектическая схема оказывается не ихъ живою внутренней закономерностью, а лишь схемою, поставленною *надъ* фактами волею С. I. Гессена. — Приведемъ нѣсколько примѣровъ. — С. I. Гессенъ превращаетъ диалектическую проблему въ генетическую. Это сказывается и въ совпаденіи у него, напр., ступеней развитія духа (въвременныхъ) со ступенями развитія душевной жизни ребенка (временными). Остро сказывается это сліяніе проблемъ, напр., тамъ (стр. 26-8), гдѣ С. I. даетъ попытку построенія гегелизма искусства, науки, религіи изъ «самосохраненія». Врядъ ли такое построеніе можетъ быть убѣдительно. — Такимъ же чисто схематическимъ конструированіемъ является, напр., сближеніе «конструктивнаго характера» математики и филологіи (со ссылкою на абсолютно *нетипичныя* диалектики: интерпретацию и приложенія математики къ естествознанію) — стр. 250. — И въ такомъ же (хотя и лежащимъ внѣ диалектической схемы) схематическимъ построеніемъ относится и отрицаніе самоотрочительнаго періода у политической экономіи (255 — ср. 395 прим. 36 — наряду съ этимъ, правда, «не-схематическій» анализъ методологіи правовѣдѣнія) — сомнительно и (снова изъясное по схемѣ) противопоставленіе «науки древнихъ» современной наукѣ: въ своемъ объясненіи природы «древніе исходили изъ привилегированныхъ случаевъ» (240), «для науки древнихъ объяснить какое-либо явленіе означало найти для него идеальный образъ, который оно какъ бы въ себѣ осуществляетъ» (234). Для современности характерно — «полученіе явленія, какъ частнаго случая общаго закона или совокупности законовъ». — Въ эту схему не вмѣ-

щаются, однако, ни Архимедь, ни античные врачи... — Читатель, вѣрно, обратилъ вниманіе, что мы не приводимъ примѣровъ изъ области *чисто* педагогическихъ проблемъ. Дѣйствительно — тамъ такія схематическія конструкции относительно рѣше. Но и здѣсь можно встрѣтиться съ очень легко вмѣщающимися въ схему автора, но, м. б., рисованными утвержденіями — какъ напр.: признанія института товарищескаго школьнаго суда (ср. 148, 158, 190, но — 54-55!). — На той же схематизации реальности покоится и крайнее суженіе права на существованіе частныхъ школъ (170-1). Врядъ ли бы въ современныхъ государствахъ получили свои школы «культурныя меньшинства» на основѣ требуемыхъ Гессеномъ «культурно-образовательныхъ мотивовъ». *Современность*, нѣ сожалѣнію, требуетъ скорѣе защиты права меньшинства, чѣмъ утвержденія компетенціи государства (ср. — положеніе «соціалистическаго» образованія въ фашистскихъ государствахъ, католическихъ школъ — въ антиклерикальныхъ, — даже славянскихъ — русскихъ, украинскихъ, бѣлорусскихъ — меньшинствъ — въ Польшѣ). — Тѣмъ же духомъ нереальности вѣдетъ и отъ ряда — очень изящныхъ въ своей схематикѣ — постановокъ проблемъ «инородческой школы» въ Россіи (ср. стр. 341-3). На этомъ, впрочемъ, не мѣсто здѣсь останавливаться, т. к., это завлекло бы насъ въ сложныя политическія контрверсы.

Всѣ эти проблемы, однако, — лишь частности, на которыхъ не стоило бы останавливаться, если бы они не вскрывали нѣкотораго порока въ методѣ автора. Но С. І. Гессенъ — отнюдь не конструктивистъ, и тонкое видѣніе сущности проблемы спасаетъ его изъ подъ власти схемы тамъ, гдѣ она грозитъ порвать съ реальностью.

Что касается основной философской позиціи, то хочется сдѣлать автору и другое возраженіе. — Въ нѣкоторыхъ основныхъ проблемахъ въ книгѣ чувствуется нѣкоторая неслаженность и нѣкоторая послѣдняя неясность. — При всемъ искусствѣ автора, съ которымъ имъ рѣшается такая сложная задача, какъ соединеніе глубиннаго философскаго анализа и серьезности проблематики съ общедоступностью изложенія — передъ нѣкоторыми мѣстами книги останавливаешься, какъ передъ загадкою. Намъ представляется, однако, что существо этой послѣдней неслаженности кое-гдѣ выступаетъ наружу. — И существо дѣла въ томъ, что диалектика автора и его система культурныхъ цѣнностей лишена послѣдняго внутреннего единства. Это единство могло бы быть религіознымъ, эстетическимъ или теоретическимъ, персоналистическимъ, эмпирическимъ или иррациональнымъ — безразлично. Но оно предотвратило бы систему автора отъ того внутренняго плюрализма, который могъ бы быть оправданъ, лишь если бы авторъ его *хотѣлъ*, а С. І. Гессенъ, по всемъ видимостямъ, его *не хочетъ*. Мы отмѣтимъ здѣсь два-три наиболее характерныхъ мѣста, въ которыхъ выступаетъ

упомянутый «плюрализм». — Первое — это идея «трудовой школы» (одна из лучших и своеобразнѣйшихъ главъ книги! Авторъ исходитъ изъ антиноміи между міровоззрѣніями античности и средневѣковья, съ одной стороны, и «современности», — съ другой. Для античности и средневѣковья — личность удовлетворяетъ свои наиболѣе глубокія потребности *«въ труда, на досугъ»*, для міровоззрѣнія созданнаго реформацией (и еще воплотитъ не воплощеннаго въ дѣйствительности) *«профессіи — призваніе человека»*, что возможно лишь, если профессія осознана, какъ необходимая часть органической цѣлокупности культуры». Трудовая школа и есть путь къ реализаціи этого именно культурнаго идеала (стр. 117 и слѣд.). Не трудно видѣть, что здѣсь авторъ уходитъ отъ болѣе глубокаго анализа «органической цѣлокупности культуры». — *Создаваемая трудомъ цѣнность*, равно какъ и самый *трудъ*, какъ культурная цѣнность — не являются ли они только побочными, служебными и посторонними существами? Или же они «случайны» — т. е., связаны съ опредѣленною философскою, религіозною, психическою системою? — Можно утверждать, что идея «призванія — профессіи» въ такомъ видѣ, какъ она излагается авторомъ — чисто *протестантская* идея, а, какъ идея центральности призванія въ жизни индивидуума — даже (національно-обусловленная) *«нѣмецкая»* идея (для нѣмца его профессія — призваніе; для француза — задача профессіи — создать условія, когда онъ, какъ *gentilhomme*, безъ помѣхъ сможетъ посвятить себя тому, что онъ считаетъ своимъ призваніемъ; русскаго «призваніе» влечетъ къ пренебреженію профессіей). Скорѣе всего здѣсь дѣло — въ глубокимъ различіяхъ религіозныхъ позицій. Но вѣдь нерѣшимость этой проблемы ставитъ подъ вопросъ и все обоснованіе «Трудовой Школы» и дѣлаетъ проблематическою существованію цѣнность тѣхъ воспитанниковъ «трудовой кулинарной школы», которые «будутъ варить кашу съ восторгомъ, всею душой» (118). — Плюрализмъ культурныхъ цѣнностей заставляетъ насъ ждать до появленія II-го тома теоріи религіознаго, художественнаго и хозяйственнаго образованія (8). — Между тѣмъ весьма спорна самая возможность такого разрыва различныхъ сферъ культуры. Не грозитъ ли этотъ разрывъ отрывомъ отъ какихъ-то глубочайшихъ животворящихъ корней, изъ которыхъ вырастаютъ одинаково и философія и жизнь. — Выраженіемъ этого разрыва является и тотъ фактъ, что Гессенъ исключаетъ богословіе изъ системы научнаго образованія, а богословскіе факультеты — изъ Университетовъ. «Практическое богословіе не можетъ отказаться отъ церковнаго авторитета, но именно потому оно не можетъ быть и предметомъ университетскаго преподаванія, весь духъ котораго отвергаетъ какую бы то ни было связанность постороннимъ наукамъ авторитетомъ» (304, стр. 253). С. I. Гессенъ совершенно неослѣдователенъ при этомъ, оставляя въ Университетѣ право (стр. стр. 395), та-

же принадлежавшее к неавтономным отраслям культуры. Вовсе не так внешнее отношение католических богословских факультетов к университетам и вовсе не так далеки от духа «практического» богословия, как то кажется С. I. Гессену (стр. 395). Но важно принципиально: можно ли исключать из системы научного образования одно из его звеньев лишь за то, что оно «чуждо» духу иных наук. Не имѣть ли въ системѣ культуры богословіе своей особой функцией, дающей ему право рѣшать самому свои судьбы, не ожидая, что рѣшать за него инныя науки? И если наука хотѣла бы расторгнуть связь съ богословіемъ, то не имѣть ли право богословіе во имя «органической культурной цѣлостности» *требовать* сохраненія этой связи — и для себя — мѣста въ стѣнахъ университета? То, что С. I. Гессенъ даже не задаетъ себѣ этихъ вопросовъ, — подчеркиваетъ лишній разъ его — м. б. безсознательный — плюрализмъ. — «Цѣлостность культуры» для С. I. Гессена — не въ философіи, ибо философія сама *внутри* «цѣлостности». Эта цѣлокупность — за предѣлами поля зрѣнія. Впрочемъ, нѣсколько разъ въ книгѣ проскальзываетъ одна, ведущая дальше, заглушенная нота (стр. 257, 229, 286, 291, 390 прим. 12...). Оказывается, что теоретическое образование имѣетъ въ извѣстномъ смыслѣ свой живой центръ *внѣ* себя. Научное образование не есть *внѣшняя* передача опредѣленныхъ знаній и цѣнностей, — научное образование въ передачѣ научнаго метода, а научный методъ носимъ какою-то ближе въ книгѣ не опредѣляемымъ субстратомъ (личностью? «цѣлокупностью культуры?»). М. б. здѣсь намѣченъ нѣкій исходъ къ *живому* единству цѣнностей въ какомъ-то *надкультурномъ* порядкѣ. Здѣсь, б. м., — ключъ къ выходу изъ заколдованнаго круга плюрализма?

Мы не остановимся ни на одномъ изъ *возможныхъ* замѣчаній съ точки зрѣнія *не* имманентной книгѣ. Всѣ эти замѣчанія (какъ и сдѣланныя нами) не умаили бы крупнаго значенія книги Гессена. А особенно крупно это значеніе для русской эмигрантской школы и «русской» школы тѣхъ государствъ, гдѣ русскіе являются «национальнымъ меньшинствомъ» (въ Сов. Россію книга, къ сожалѣнію, не допущена!). Для русскаго учителя и русскаго школьника является счастьемъ — получить въ наши тяжелые годы эту широкую, философскую и глубоко-гуманную книгу.

Съ самымъ живымъ интересомъ нужно ждать и второго тома «Основъ Педагогики» и тѣхъ чисто теоретическихъ работъ, пути къ которымъ намѣчены: и въ рядѣ конкретныхъ замѣчаній автора и во всемъ живомъ духѣ его книги.

П. Прокофьевъ